

ХІ.

Общественные взгляды Жуковского.

Съ этого-то „скромнаго луга“ хотѣлъ вывести его кн. Вяземскій въ „горній край“ общественныхъ вопросовъ. Мы помнимъ, какихъ яркихъ политическихъ впечатлѣній желалъ онъ ему, самъ настраиваясь кипуче: это было въ его стилѣ и характерѣ. Надежды строились на патріотическихъ стихотвореніяхъ Жуковского, создавшихъ ему въ 1812—14 годахъ громкую славу. Извѣстно его посланіе къ вел. княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ на рожденіе вел. князя Александра Николаевича (1818 г.); получивъ его въ Парижѣ, Полетика призналъ въ немъ кисть „Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ“: „Карамзинъ показалъ намъ, какъ должно посвящать книги царямъ, писалъ онъ Жуковскому, отъ тебя же наши будущіе поэты научатся, какъ слѣдуетъ поздравлять ихъ въ стихахъ. Отъ васъ обоихъ познаютъ всѣ наши писатели, сколь великая есть разность между справедливою похвалою и подлою лестью“ (6/18 іюля 1818 г. ¹).

Къ такого рода сюжетамъ поэтъ вернулся значительно позже, не съ прежней свѣжестью энтузіазма, но съ ббльшей риторикой, и не съ надеждами, а въ спокойномъ сознаніи, что онѣ „совершенны“: „Русская Слава“ 1831 г., стихотворенія всего 1834 г., „Бородинская годовщина“ 1839 г. и стихотвореніе на 1-е іюля 1848 г. состоятъ изъ торжественнаго перечня прошлыхъ судебъ Россіи, обезпечивающихъ ея настоящее.—Въ 1826 году

1) Русская Старина 1902 г. октябрь стр. 195 слѣд.

Пушкинъ объяснялъ по своему, почему Жуковский такъ долго не отзывался на событія дня ¹⁾, въ 1831 г. кн. Вяземскій называлъ его „Старую пѣсню на новый ладъ“, — „шинельными стихами“; „разумѣется, Жуковский не переломилъ себя, не кривилъ совѣстью, говоритъ онъ въ непосланномъ Пушкину письмѣ, слѣдовательно мы съ нимъ не сочувственники, не единомышленники. Впрочемъ, Жуковский слишкомъ подъ игомъ обстоятельствъ, слишкомъ подъ влияніемъ лживой атмосферы, чтобы сохранить свои мысли во всей чистотѣ и дѣвственности ихъ“ ²⁾. Въ 1821 году кн. Вяземскій еще мечталъ, что, Жуковский станетъ „гражданскимъ пѣснопѣвцемъ“, какъ въ событіяхъ 1812 г., ³⁾ и обращалъ его къ злобѣ дня, къ вопросамъ, волновавшимъ современную политическую жизнь. Иначе не понять отвѣта Ал. Тургенева: „не надобно на Жуковского смотрѣть изъ одной только точки зрѣнія, съ которой ты на него смотришь — *гражданскаго пѣснопѣвца*. У него все для души ⁴⁾: душа его въ талантѣ и талантъ въ душѣ. Лишь бы она только не выдохнулась! Но ее бережетъ дружба, самая нѣжная и для тебя невидимая. Я ее узналъ, и всѣ мои надежды на Жуковского оживаютъ. Въ немъ еще будетъ прокъ. Онъ не пропадетъ ни для друзей, ни для Россіи“ ⁵⁾.

Но князь Вяземскій возвращается къ атакѣ: „у Жуковского все душа и все для души. Но душа, свидѣтельница настоящихъ событій, видя эшафоты, которые громоздятъ для убіенія народовъ, для зарѣзанія свободы, не должна и не можетъ теряться въ идеальности Аркадіи. Шиллеръ гремѣлъ въ пользу притѣсненныхъ; Байронъ, который носится въ облакахъ, спускается на землю, чтобы грянуть негодованіемъ въ притѣснителей, и краски его романтизма сливаются часто съ красками политическими. Дѣлать теперь нечего. Поэту должно искать

1) Къ Жуковскому 1826 г. январь.

2) Полн. собр. соч. кн. Вяземскаго т. IX, стр. 155 слѣд. Этотъ отзывъ касается и Пушкина („На взятіе Варшавы“, „Клеветникамъ Россіи“), патристическія стихотворенія котораго вызвали отрицательную оцѣнку Мельгунова и сочувствіе — Чаадаева. Сл. Кирпичниковъ, Очерки по исторіи новой русск. литературы т. II, 2 изд., стр. 167—8.

3) Къ Ал. Тургеневу 1821 г., начала февраля.

4) Намекъ на записку Жуковского въ альбомъ Е. Н. Карамзиной, сл. выше стр. 48.

5) Тургеневъ кн. Вяземскому 1821 г. 16 февраля.

иногда вдохновенія въ газетахъ. Прежде поэты терялись въ метафизикѣ, теперь чудесное, сей великій помощникъ поэзіи, на землѣ“¹⁾. „Я готовъ назвать поэзіею политическою всякую народную или гражданскую поэзію, объемлющую возвышенныя, общественныя истины, писалъ кн. Вяземскій въ одномъ изъ своихъ парижскихъ писемъ. (1826—7 г.). И почему поэту не быть, наравнѣ съ ораторомъ, стражемъ народныхъ выгодъ и блага общественнаго?“²⁾.

Все это были проекты въ родѣ тѣхъ, которые пріятели считали достойными дарованій Жуковского, забывая о его темпераментѣ. У него все дѣло въ душѣ, въ человѣчности; въ этомъ смыслѣ Жуковский гуманистъ сентиментальной эпохи, глубоко проникнутый ея настроеніемъ, воспитывавшій въ себѣ добро, сѣявшій его всюду, гдѣ только страдали и куда доходило вліяніе поэта³⁾. Онъ былъ человекъ сердца, ставшаго принципомъ; это всѣхъ къ нему привлекало. Молодой цесаревичъ называлъ его въ письмѣ къ Мердеру (1833 г.) „добрымъ“, „безцѣннымъ“; въ письмахъ И. И. Дмитриева онъ „милый“, „добродушный“, „добрый поэтъ“; „bell'alma generosa“, воплощеніе „безконечной доброты“, душа у него „хрустальная“, говоритъ о немъ Смирнова; таковъ и отзывъ Пушкина: Жуковский почти слишкомъ добръ, „у него небесная душа“⁴⁾; „душа твоя свѣтла, какъ зеркало, съ котораго и послѣднее дуновение мгновенно исчезаетъ“ (Ал. Мих. Тургеневъ въ 1837 г.). „Уѣхалъ почтенный нашъ Василій Андреевичъ, писала А. И. Кологривова Плетневу (6 мая 1838 г.)... Его отъѣздъ для многихъ важная сердечная утрата.... Но всегда милый, всегда добрый, всегда и во всемъ неземной, онъ и въ минуту отъѣзда не забылъ о тѣхъ, которымъ съ такимъ радушіемъ обѣщалъ свое покровительство“⁵⁾. „Сколько

1) Кн. Вяземскій Тургеневу 1821 г. 25 февраля. Сл. выше, стр. 309, письмо кн. Вяземскаго къ Жуковскому 15/27 марта того-же года.

2) Полное собраніе сочиненій кн. Вяземскаго т. I, стр. 224.

3) См. Н. Дубровинъ, Василій Андреевичъ Жуковский и его отношенія къ декабристамъ. Русская Старина 1902 г. Апрель, стр. 45 слѣд. Тамъ же стр. 121 и слѣд.: Письма и записки В. А. Жуковского къ графинѣ Ю. О. Барановой. О Жуковскомъ, какъ филантропѣ, сл. Сумцова, В. А. Жуковский и Н. В. Гоголь (Харьковъ 1902 г.); А. И. Маркевичъ, Отношенія В. А. Жуковского къ писателямъ и артистамъ. Одесса 1902 г.

4) Записки Смирновой I, 178, 186, 219 и слѣд.

5) К. Гротъ, Нѣсколько дополненій къ рукописямъ В. А. Жуков-

благословеній на душу и на потомство Жуковскаго несется отовсюду“, говорилъ впоследствии князь Вяземскій: изъ хижинъ, изъ замковъ, изъ дворцовъ и даже изъ келій¹⁾; „удивительный человѣкъ этотъ Жуковскій, писалъ матери И. В. Кирѣевскій, хотя, кажется, знаешь необыкновенную красоту и возвышенность его души, однако при каждомъ новомъ случаѣ узнаешь, что сердце его еще выше и прекраснѣе, чѣмъ предполагалъ“²⁾. Извѣстны его хлопоты о Пушкинѣ, когда онъ былъ въ бѣдѣ, о декабристахъ, о больномъ Батюшковѣ, о Николаѣ Тургеневѣ, Мещевскомъ, Боратынскомъ, Кирѣевскомъ, его участіе въ судьбѣ Шевченка, матери и брата Никитенка, семьи Воейковой и др.

Разумѣется, требованія сердца встрѣчались съ нѣкоторыми унаслѣдованными воззрѣніями, которыя уступали тѣмъ медленнѣе, чѣмъ сильнѣе было благоговѣніе передъ историческимъ преданіемъ. Такъ въ вопросѣ о крѣпостничествѣ. Въ 1806 году Жуковскій говорилъ о необходимости дарованія крестьянству многихъ правъ, которыя приблизили бы его нѣсколько къ свободному состоянію³⁾, въ 1808 году онъ стоитъ за дарованіе ему всепревышающаго блага—свободы, но излишество образованія кажется ему вреднымъ, потому что оно отучило бы крестьянъ „наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ“ тѣмъ жребіемъ, „въ которомъ помѣщены они судьбою“. „Убийственное чувство рабства“ („Печальное происшествіе“ 1809 г.) не было для Жуковскаго пустою фразой, но самъ онъ лишь въ 1822 году отказался отъ права рабовладѣльца, хотя дѣло это давно лежало у него „на душѣ“. „Очень радъ, что мои эсклавы получили волю“, писалъ онъ А. П. Елагиной, жалуясь, что не могъ спасти отъ цензуры стиховъ Шиллера:

Der Mensch ist frei geschaffen, ist frei,
Und wäre er in Ketten geboren
(Die drei Worte des Glaubens),

сваго. Извѣстія Отд. Русск. языка и слов. Имп. Акад. Наукъ 1901 г., т. VI, кн. 2, стр. 24.

1) Тургеневу 2 декабря 1842 г.

2) Полн. собр. соч. И. В. Кирѣевскаго I, стр. 6 (письмо датируется указаніемъ, что напечатаны уже 28 пѣсни съ половиною Одиссеи.

3) Письмо къ А. Тургеневу, половина декабря.

а безъ нихъ не пожелалъ напечатать перевода ¹⁾. Въ 1848 году, въ письмѣ къ Наслѣднику (6 марта), онъ выражаетъ надежду, что правительство уничтожить „искусственныхъ пролетаріевъ“, которыхъ само произвело.

Жуковскому, казалось, не доставало мужества въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда можно было бы ожидать отъ него откровенности гражданина: онъ могъ общаться съ людьми, отъ которыхъ его друзья сторонились, пытался даже оправдывать ихъ, самъ не вѣря оправданію, могъ „споткнуться разсудкомъ ребяческимъ, но вѣрно не сердцемъ“. Друзья объясняли это не равнодушіемъ, а безхарактерностью, лѣнью ума, и не осуждали ²⁾, а комментировали, въ приложеніи къ Жуковскому, слова Бонапарта: *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*. Сдѣлай милость, смотри за Жуковскимъ въ оба, писалъ изъ Варшавы кн. Вяземскій Тургеневу (13 октября 1818 г.): „я помню, какъ онъ пилъ съ Чебышевымъ и клялся Катенинымъ. Съ нимъ шутить нечего. *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*: въ первую субботу напьется съ Карамзинымъ, а въ другую съ Шипковымъ“. „Жуковскій, какъ попрыгунья стрекоза, поминутно перескакиваетъ этотъ шагъ (т. е. *du sublime au ridicule*), то назадъ, то впередъ. Но добрый геній придерживааетъ его на нашей сторонѣ и, наконецъ, вѣроятно, одержитъ рѣшительный верхъ“ ³⁾.

Все это не мѣшало дружбѣ: „насъ для него не много, ибо многіе знаютъ его только по таланту, а онъ у насъ одинъ, защищаетъ его отъ упрековъ кн. Вяземскаго Тургеневъ: съ нимъ я давно живу и чувствую, чувствую и живу, и онъ знаетъ, что меня морозъ Зимняго Дворца не прохватитъ“ (1819 г. 2 сентября).

Заступничество за декабристовъ, переписка съ гр. Бенкендорфомъ по вопросу о литературномъ наслѣдіи А. Пушкина и пересмотрѣ оставшейся послѣ него корреспонденціи служатъ свидѣтельствомъ, что Жуковскій былъ способенъ на гражданскій подвигъ. Въ дѣлѣ Н. Тургенева онъ дошелъ до непріятнаго для него объясненія. „Ты при моемъ сынѣ. Какъ тебѣ слыть сообщникомъ людей безпорядочныхъ или осужденныхъ за преступленія?“

1) Зейдлицъ I. с. стран. 123—5.

2) Кн. Вяземскій А. Тургеневу 1823 г. 1 октября; Тургеневъ кн. Вяземскому 9 октября 1823 г.; Ал. Тургеневъ Ник. Тургеневу 12 и 27 августа 1827 г.; Ал. Тургеневъ кн. Вяземскому 1839 г. 17 іюня / 5 іюля.

3) Кн. Вяземскій Тургеневу 30 мая 1819 года.

сказалъ ему государь. — Еслибъ я имѣлъ возможность говорить, вотъ чтобы я отвѣчалъ и сдѣлалъ-бы хорошо, но вѣрно бы повредилъ себѣ; и такъ невозможность говорить нѣкоторымъ образомъ послужила мнѣ къ добру¹. Жуковскій записываетъ эти слова на клочкѣ бумаги вмѣстѣ съ конспектомъ рѣчи, которую онъ — не произнесъ: о томъ, что правосудіе не безошибочно, особливо въ Россіи, что доносы не „рѣшительные приговоры Божьи“, что, если довѣриться имъ, нравственность наша будетъ на произволѣ доносчиковъ, около царя будутъ жить лишь тѣ, кто живетъ предательствомъ, люди преданные и честные будутъ молчать съ горемъ и лишены возможности быть полезными. И Жуковскій говоритъ про себя: „я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринимъ, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый — моя совѣсть, моя вѣрность къ Государю. Во всемъ прочемъ надо отдать себя на волю Провидѣнія, которое спасаетъ добрыхъ, или губитъ ихъ для ихъ же добра. Въ этой одной мысли — спасеніе. Буду осторожнѣе, вступаясь за тѣхъ, кто въ ссорѣ съ правительствомъ, ибо тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать, а можно только погубить себя, благоуміе велитъ думать о себѣ; это не будетъ эгоизмъ.... Вотъ бѣдствія, происходящія отъ невѣжества. Мало того, чтобы имѣть чистую совѣсть, надобно имѣть и понятія, принадлежащія времени, въ коемъ живемъ. Ихъ даетъ одно просвѣщеніе. Просвѣщеніе для ума есть то же, что чистая религія для совѣсти. Тамъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенія, каждый имѣетъ свой собственный умъ, умъ своего мѣста, своей партіи, и всѣ они въ противорѣчій, въ безпрестанной битвѣ“¹).

Итакъ дѣло не въ лѣни ума, которую Гоголь объяснял по своему, а въ способности все идеализировать, всюду видѣть Аркадію, при большомъ миролюбіи, сказавшемся въ юношескомъ афоризмѣ дневника: не говорить правды въ глаза, если она вредна²), и въ отсутствіи общественной жилки. Въ 1808 году, въ руководящей статьѣ Вѣстника Европы („Письмо изъ уѣзда“), Жуковскій писалъ: „политика въ такой землѣ, гдѣ общее мнѣніе покорно дѣятельной власти правительства, не можетъ

1) Сл. Дубровинъ, В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ I. с. стр. 80 слѣд.

2) Сл. „Двѣ повѣсти“ 1844 г.: „Злой наѣздникъ правды“.

имѣть особенной привлекательности для умовъ беззаботныхъ и миролюбивыхъ“. Въ концѣ того же года политическій отдѣлъ исчезаетъ изъ журнала, на его счетъ развита критика и отдѣлъ свѣдѣній „о достопамятныхъ явленіяхъ природы“.—„Я уже отпѣлъ панихиду политикѣ и ни мало не опечаленъ ея кончиною“, извѣщалъ Жуковскій А. Тургенева (15 сент. 1809 г.). Но и въ скромныхъ размѣрахъ она возбуждала опасенія; 5-го генваря 1809 г. Ал. Тургеневъ писалъ Жуковскому по поводу политическаго обзорѣнія въ Вѣстникѣ Европы, которое принялъ на себя Каченовскій: „теперь тебѣ будетъ болѣе времени писать свое, ты не будешь уже въ отвѣтственности за политику. Здѣсь (въ Петербургѣ) многіе удивлялись твоей дерзости и оплошности вашей цензуры, а въ одно время я самъ боялся, чтобы не запретили твоего журнала“ ¹⁾. Въ 1819 году Жуковскій отказался участвовать въ Союзѣ Благоденствія, которому сочувствовалъ: его уставъ заключаетъ въ себѣ мысль благодѣтельную, высокую, для выполненія которой требуется много добродѣтели, выразился онъ; онъ почелъ-бы себя счастливымъ, если-бы могъ убѣдить себя, что въ состояніи выполнить его требованія, но, къ несчастію, не чувствуетъ въ себѣ достаточной къ тому силы ²⁾. Съ молодости его идеаль — индивидуальное развитіе, общественное — результатъ личнаго; это шиллеровское возрѣніе на облагороженіе характера, какъ на средство достигнуть политической и гражданской свободы. Въ этомъ направленіи развиваются послѣдовательно взгляды Жуковскаго, за вычетомъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло идетъ о свободѣ въ патріотическомъ смыслѣ этого слова, объ охраненіи или самосознаніи народности, либо о свободѣ въ кругу друзей, въ объятіяхъ природы, въ поэзіи, въ томъ, что звалось поэтическимъ отіум'омъ. Въ 1806 году поэтъ зоветъ себя воспитанникомъ свободы, дышавшимъ въ объятіяхъ природы ³⁾; такъ и Гораций смотрѣлъ на свѣтъ глазами философа, знающаго истинную цѣну жизни, привязаннаго къ удовольствіямъ непорочнымъ и — къ свободѣ ⁴⁾. Пѣвецъ соединяетъ „Младенца чистоту Съ величіемъ свободы, Боготворя природы Простую красоту.... По-

1) Изъ неизданнаго письма.

2) Записки Трубецкаго, стр. 80.

3) Отрывокъ: „Подражаніе“.

4) 1809 г. „О сатирѣ и сатирахъ Кантемира“.

средственность, свобода, Животворящій трудъ, Веселіе досуга Близъ милая и друга, И пѣнистый сосудъ Въ часъ вечера пріятной Подъ липой ароматной Съ забвеніемъ суетъ, Вотъ все“ (къ Батюшкову май 1812 г.). Свобода другъ нашъ благодатный, обращается Жуковский къ кн. Вяземскому и В. А. Пушкину: „Мы независимо, въ тиши Уютнаго уединенья, Богаты ясностью души, Поемъ для музъ, для наслажденья, Для сердца вѣрнаго друзей“ (1814 г.); веселая свобода сидитъ и „за большимъ семейственнымъ столомъ“ (въ альбомъ бар. Ел. Ив. Черкасовой 1814 г.); Шиллеровское воззрѣніе въ пересказѣ Элевзинскаго праздника (1833 г.): „Здѣсь лишь нравами одними Можесть быть свободенъ онъ“ (т. е. человѣкъ).

Неясно понятіе свободы въ воспоминаніяхъ 1806 года о дружеско-литературномъ обществѣ 1801—2 годовъ:

О братья, о, друзья! Гдѣ нашъ священный кругъ?
Гдѣ пѣсни пламенны и музамъ и свободѣ?
(Вечеръ 1806 г.).

Тѣмъ яснѣе то, что говорится въ „Протоколѣ 20-го арзамаскаго засѣданія 1817 года“¹⁾. Какъ разъ въ этомъ году въ общество вступило нѣсколько либерально и дѣятельно настроенныхъ членовъ: Николай Тургеневъ, замѣшанный потомъ въ дѣлѣ 1825 года, декабристъ Н. Муравьевъ, М. Орловъ, по арзамасскому прозвищу Рейнъ, мечтавшій о возстановленіи масонства, заподозрѣнный впоследствии въ связяхъ съ декабристами, отъ которыхъ, впрочемъ, отсталъ, поклонникъ ланкастерской метода обученія, химикъ и политико-экономъ, какимъ изобразилъ его впоследствии Герценъ²⁾. Арзамасъ готовился оживиться, отстать отъ прежнихъ „шалостей“, поставить себѣ серьезныя, литературныя и общественныя цѣли. Уже въ 1816-мъ году арзамасцы подумывали о своемъ журналѣ³⁾, и въ бумагахъ Жуковского нашлась его программа и заглавіе: Отрывки, найден-

1) О литературномъ обществѣ Арзамасъ сл. изслѣдованіе Е. А. Сидорова въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1901 г. №№ 6 и 7.

2) См. примѣчанія къ №№ 83, 101 и 216 переписки кн. Вяземскаго и Тургенева; Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго 1901 г. стр. 400 слѣд.; Герценъ, Былое и Думы, женевск. изд. т. VI, стр. 209.

3) См. письмо кн. Вяземскаго къ Тургеневу 27 сент. 1816 г. Сл. Соч. Батюшкова, III, стр. 404 (къ Жуковскому 25 сентября 1816 г.).

ные въ Арзамасѣ. Но затѣя касалась обычнаго литературнаго альманаха, въ которомъ Жуковскій хотѣлъ помѣстить „Пѣснь Игоря“. Теперь задача явилась иная. Въ апрѣльское засѣданіе Орловъ-Рейнъ внесъ проектъ политическаго журнала; вопросъ этотъ обсуждался въ 20-мъ, Іюльскомъ, засѣданіи, и Жуковскій фантазируетъ въ своемъ протоколѣ, какъ, по мановенію волшебнаго жезла, явились пышныя врата съ надписью: Журналъ Арзамаса; Рейнъ растворилъ ихъ: „за ними кипѣли въ свѣтломъ хаосѣ призраки вѣковъ“, виднѣлись тѣни славныхъ, и надо всѣмъ

Съ яркой звѣздой на главѣ геніемъ тихимъ носилось
Въ свѣжель гражданскомъ вѣнкѣ божество: Просвѣщенье, давь руку
Грозной и мирной богинѣ Свободы! — И всѣ арзамазцы,
 Пламень почуя въ душѣ, ко вратамъ побѣжали.... Все скрылось!
 Рейнъ сказалъ: „Потерпите, голубчики! Я не достроилъ!
 Будеть вамъ домъ, а теперь и воротъ однихъ съ васъ довольно!“

Изданіе Журнала было рѣшено, въ работахъ надъ новымъ уставомъ общества и программой журнала принималъ живое участіе и Жуковскій, котораго просили въ редакторы. Обнародованіе „Священнаго Союза (25 декабря 1815 года) ознаменовало въ правительственныхъ сферахъ рѣшительный поворотъ къ реакціи, а между тѣмъ первый отдѣлъ журнала долженъ былъ служить распространенію „идей свободы, приличныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ ея настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее“. Журналъ остался проектомъ. Уже въ первой половинѣ 1818 года многимъ изъ зачинателей пришлось оставить Петербургъ; Жуковскій-Свѣтлана (по арзамазскому прозвищу) засѣлъ, скорчившись, „въ графахъ таблицъ“: онъ обучалъ вел. княгиню Александру Ѳедоровну и дѣйствительно писалъ однѣ „грамматическія таблицы“¹⁾. Мы знаемъ, что къ таблицамъ онъ питалъ въ своей педагогической практикѣ надъ собой и другими особую слабость. Блудовъ назначенъ былъ въ Лондонъ, Дашковъ съ 1817 года состоялъ при

1) См. письмо Карамзина къ Дмитріеву № 224, 28 ноября 1818 г., сл. выше стр. 271 (гдѣ ошибочно напечатано: 22 ноября).

русской мисси въ Константинополѣ, кн. Вяземскій—Асмодей уѣхалъ въ Варшаву, „распростившись съ халатомъ свободы“,

Между тѣмъ Рейнъ усасть, насъ взбаламутивъ, далъ тягу,
Въ Кіевъ и тамъ въ Днѣпрѣ утопилъ любовь къ Арзамасу!
Рейнъ давно замолчалъ, да и мы не очень воркуемъ.

Такъ рассказываетъ Жуковскій въ „Отрывкѣ арзамасской рѣчи 1818 года; въ томъ же году онъ писалъ Орлову:

Начальникъ штаба, педагогъ,
Ты по ланкастерской методѣ
Мальчишекъ учишь говорить
О славѣ, пряникахъ, природѣ
О кубаряхъ—и о свободѣ!

Во второй половинѣ жизни всѣ эти воззрѣнія отлились въ благодушную систему общественности, которую Жуковскій излагаетъ въ письмахъ, въ замѣткахъ ¹⁾, можетъ быть, отрывкахъ какой-нибудь „бѣлой книги“, гдѣ извѣстныя мысли разъ выливались въ опредѣленную форму и съ нею идутъ въ оборотъ, лишь кое-гдѣ измѣняясь. Въ основѣ этой системы лежитъ теорія гуманистической личности, „души“, прогрессъ опредѣляется „временемъ“, „Промысломъ“, его желательный—характеръ—„умѣренность“ („умѣренность, покорность“, „Пѣвецъ въ Кремлѣ“), сдерживающее начало—историческое преданіе. Время—единственный, „вѣрный, сильный, но медленный создатель лучшаго“, оно „послушно одному Богу“. Исторія „говорить властителямъ: будьте согласны съ вашимъ вѣкомъ; идите съ нимъ вмѣстѣ: впереди, но равнымъ шагомъ; отстанете, онъ васъ покинетъ, повлечете его быстро впередъ—ниспровергнете все и себя; осмѣлитесь преградить ему дорогу—онъ васъ раздавитъ“ ²⁾. Историческое преданіе, въ міросозерцаніи Жуковского, то-же, что воспоминаніе: одно хранить лучшіе опыты

1) Нѣкоторыя изъ нихъ напечатаны въ изданіи: Изъ собранія автографовъ Имп. Публ. Библиотеки, СПб. 1894, стр. 49 слѣд.: Политическія и философскія замѣтки и мысли В. А. Жуковского. Сл. Полное собраніе сочиненій В. А. Жуковского, изд. проф. Архангельскимъ т. XI: Отрывки 1845—50 гг.

2) Черты исторіи государства Россійскаго 1834 г.

сердца, которыхъ не забыть, другое—вѣковые опыты народной жизни, ихъ-же не преидеши. Промыселъ и общественные перевороты, нарушающіе умѣренность прогресса, сопоставляются въ апологѣ, написанномъ Жуковскимъ для Н. Тургенева, пострадавшаго въ событіяхъ 14 декабря 1825 года: въ переворотахъ многіе гибнутъ, для лучшихъ они — испытаніе свыше; такъ сгораетъ въ горнѣ голикъ, „а золото горитъ и не ропщетъ на судьбу и вѣритъ тому, что безъ огня не быть ему чистымъ, и радуется пламени, которое возвыситъ его достоинство“¹⁾. Онъ хлопоталъ о Н. Тургеневѣ, принималъ участіе въ личной судьбѣ декабристовъ, но ихъ движеніе осуждалъ: это разбойники, возмутители, у которыхъ „даже не видно фанатизма, а просто звѣрская жажда крови безо всякой даже химерической цѣли“²⁾. Перевороты исключаются и святостью историческаго преданія: „всякая новостъ въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надо прибѣгать только по необходимости“, писалъ Карамзинъ; Жуковскій развиваетъ это: „кто дерзаетъ на настоящее вѣрное зло для будущаго невѣрнаго блага, тотъ — злодѣй“³⁾; нельзя „разрушать существующее, жертвуя справедливостію, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага.... Время возьметъ свое, и новая жизнь начнется на развалинахъ, но это дѣло его, а не наше; мы только произвели гибель, а произведенное временемъ изъ созданныхъ нами развалинъ ни мало не соотвѣтствуетъ тому, что мы хотѣли въ началѣ.... Что вредно въ настоящемъ, то есть истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ; никто не имѣетъ права жертвовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага. *Человѣкъ во всякую настоящую минуту можетъ быть справедливымъ; въ этомъ его человѣческая свобода.* Что справедливо теперь, то несомнительно, жертвовать этимъ несомнительнымъ, единственно возможнымъ человѣку, для вѣроятной, слѣдовательно, сомни-

1) Письмо Ал. Тургенева къ брату изъ Лейпцига 1827 г.

2) Къ Ал. Тургеневу, 16 декабря 1825 г.

3) Русскій Архивъ 1896 г. № 3, стр. 457. Статья, озаглавленная „объ энтузіазахъ“, отнесена издателемъ къ началу царствованія Императора Николая Павловича. Въ печатномъ текстѣ статьи „Энтузіазмъ и энтузіасты“ (1848 г.) приведенный выше афоризмъ выраженъ иначе: „кто, вооружаясь на существующее зло въ пользу будущаго, невѣрнаго блага, нарушаетъ вѣчные законы правды, тотъ злодѣй“.

тельной пользы, есть преступление или безумство. Ибо кто отвѣчаетъ за будущее? И слѣдующій мигъ не принадлежитъ намъ: это уже область провидѣнія.... Должны-ли мы себя осудить на бездѣйствіе и неподвижно предаться во власть времени?... Нѣтъ. Но для чловѣка довольно собственной дѣятельности безъ дерзкаго присвоенія той, которая не принадлежитъ ему. Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ и исполняй то, что онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его.... Работая безпрестанно, неутомимо, наряду со временемъ, отдѣляя отъ живого то, что оно уже умертвило, питая то, въ чемъ уже таится зародышъ жизни, и храня то, что зрѣло и полно жизни, ты безопасно, безъ всякаго гибельнаго потрясенія, произведешь или новое необходимое, или уничтожишь старое, уже бесплодное или вредное. Однимъ словомъ, живи и давай жить другимъ, и паче всего блюди *Божію правду*¹⁾.

Отсутствіемъ „*Божьей правды*“ объясняется плачевное состояніе запада, о которомъ въ письмахъ къ Ал. Тургеневу сѣтуетъ Жуковский: „въ нашемъ убійственно позитивномъ вѣкѣ“ нѣтъ ничего святаго, „математически-гордый умъ гонитъ Бога съ мѣста“ и „образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна“. Правда, Франція „никогда не имѣла такой массы свободы“, за то „достоинство чловѣческое унижено, свѣтлое раздавлено“ (1833 г. 15 генв.). Свобода „не безумное равенство правъ, а независимость каждаго на его мѣстѣ“, пишетъ онъ, прочитавъ первый томъ Haller's Restauration der Staats-Wissenschaft; онъ увлеченъ его системой, жалѣетъ, что не познакомился съ нею ранѣе и самъ обрушивается на защитниковъ „фальшивой свободы, верховной власти народа, такъ называемаго общаго блага и пр. и пр. Это отсутствіе всего Божественнаго, этотъ матеріализмъ, это замѣненіе всего высокаго и святаго въ душѣ чловѣческой ариеметическими расчетами интереса (частнаго или общаго, все равно), это презрѣніе ко всему историческому, это замѣненіе патриархальной верховной власти грубою властію народовъ, этотъ деспотизмъ книгопечатанія, которое общимъ бѣдствіемъ, то есть безнравственностью доктринъ, губящихъ правило, замѣнило частныя бѣдствія, проис-

1) 1833: Отрывки письма о Швейцаріи о революціяхъ = письмо къ Козлову 4 генв. 1833 г.

ходившія отъ страстей одного и оставившія слѣды неглубокіе, все это приводитъ въ трепеть“. Революціонная богиня разума не на престолѣ и никого не пугаетъ болѣе, но она терпима: это признакъ усталости, миръ могилы, состояніе неестественное для человѣка. Надо, чтобы возвратилось „святое“, религія: „въ ней и гражданство, и свобода, и благородство души человѣческой“ (1833 г. 14/26 марта). „Что такое цивилизація? Собственность, идея правды, вниманіе ко всему умственному. Тутъ всѣ формы годятся. Революція французская хотѣла всѣмъ дать вдругъ иную схожую внѣшность и вздумала намазать ее на лицахъ кровавою кистью“ (дневникъ, 27 марта/8-го апрѣля 1839 г.).

Понятно, какъ долженъ былъ отнестись Жуковскій къ движеніямъ 1848 года. Они волнуютъ его, онъ говоритъ о нихъ въ своихъ письмахъ (напр. къ Наслѣднику, въ генварѣ, 17 февраля, 1 марта 1848 г. и 29 генваря 1849 г.), противопоставляя „русскому великану“, „мощному первенцу творенья“ („Къ русскому великану“ 1848 г.)¹⁾ — полувѣковую „мелодраму“ которую сыграла Франція. Его „Четыре сына Франціи“ — представляютъ вольный переводъ четырехъ строфъ, авторомъ которыхъ, какъ ему сказывали, была дѣвица Цедлицъ; такъ отмѣчено на заглавномъ листкѣ бѣловаго списка, сохранившаго стихотвореніе; „пятая строфа прибавлена мною въ началѣ 1849 г.“, присоединяетъ Жуковскій, но на ней онъ не остановился, 7-я строфа говоритъ о 2-мъ декабрѣ 1851 г. И 4-я строфа не осталась безъ добавленій: Цедлицъ писала въ 1846 г., и Жуковскій поясняетъ, что именно эта строфа „заключаетъ въ себѣ пророчество, исполнившееся въ декабрѣ 1848 г.“. Въ его передѣлкѣ она и подписана 1849-мъ годомъ, и, вѣроятно, передѣлка этимъ не ограничилась. Сравненіе первыхъ 3-хъ строфъ съ послѣдующими указываетъ на разницу настроенія: Цедлицъ быстро, лирически характеризуетъ событія 1789, 1812, 1830 годовъ, Жуковскій ужасается и морализуетъ по поводу черни, наставленной „благимъ совѣтомъ пушки“, самодержавнаго народа, который спѣшитъ замазать на стѣнахъ „свободу, равенство и братство“ — и не споется „съ владыкою штыкомъ“. Судь Божій правъ, обращается онъ къ Франціи:

1) Напечатано первоначально въ Русскомъ Инвалидѣ вмѣстѣ съ экспромптомъ Тютчева. См. письмо Плетнева къ Жуковскому 29 октября/10 ноября 1848 г.

Изъ чаши,
 Въ которой буйно ты,
 Цареубійства ужась,
 Безвѣрія чуму
 И бѣшенство разврата
 Въ одинъ смѣшала ядъ—
 Святой воды здоровья
 Не можешь ты испить;
 Ни ты, ни зараженный
 Твоимъ безумствомъ свѣтъ!
 Но есть спасенья чаша,
 Она передъ тобой,—
 Къ ней, къ ней со страхомъ Божиимъ
 И съ вѣрой приступи.

Что такое *Божія правда*? Въ письмѣ къ наслѣднику цесаревичу 30 авг. 1843 г. Жуковскій даетъ ему знакомые совѣты: не жертвовать настоящимъ вѣрнымъ благомъ вѣроятному будущему, частнымъ благомъ общему, такъ называемому государственному, ибо „общее благо есть сумма благъ частныхъ. Можетъ-ли оно существовать въ цѣломъ, когда нѣтъ его по частямъ?“ Паче всего хранить Божию правду: „самодержавіе есть только высшая степень покорности *Божьей правдѣ*“. Его опаснѣйшій врагъ самовластіе ¹⁾. Въ 1847 году онъ прочелъ рѣчь свою „вѣнчаннаго друга“ (Фридриха Вильгельма) и восхищенъ ею; но будетъ-ли она имѣть вліяніе? „Слишкомъ проникнуть дьявольскою необузданностью нашъ вѣкъ, чтобы понять и принять голосъ верховной *Божьей правды*“; наше время — „палачъ всякой правды“ ²⁾. „Подъ развитіемъ самодержавія разумѣется твердѣйшее укорененіе и распространеніе его патріархальнаго могущества, котораго источникъ и право есть верховная *Божія правда*“ ³⁾. Іоаннъ Миллеръ заключилъ свою всеобщую исторію словами: умѣренность порядокъ ⁴⁾; это правило, извлеченное

1) Сл. письмо къ нему-же 1845, 23 августа.

2) Изъ Эмса 2 іюня 1847 года, къ нему-же; то-же въ письмѣ къ вн. Вяземскому, того же дня и года.

3) О стихотвореніи „Святая Русь“ 1848 г.

4) Сл. комментарий къ этимъ словамъ въ „Собирателѣ“ 1829 г.: Христоматія для вел. кн. Александры Николаевны (Полезъ исторіи для государей).

имъ изъ исторіи, можно извлечь и изъ начала высшаго и выразить словами: *Божія правда* ¹⁾. Либо, вмѣсто умѣренности, „золотая середина“: реформа во время „по закону *вѣчной правды*“ ²⁾, „могущій русскій великанъ, представитель русскаго самодержавія т. е. „*высшей правды*“ ³⁾. Съ *Божьей правдой* водворится и *свобода*, которое „не иное что, какъ личное благоденствіе всѣхъ и каждаго, хранимое властью, не жертвующее призраку благоденствія общаго, а его въ своемъ итогѣ производящее“ ⁴⁾, ибо нельзя разрушить всѣ частныя земныя блага, „чтобы на нихъ построить Публичнаго безжизненнаго блага темницу“. (Странствующій Жидъ 1851—2 г.).

Но чтобы, Божія правда водворилась, надо, чтобы она „цвѣла“ въ *душѣ* государей (Но трона красота — великая *душа*, Императору Александру 1814 г.). Въ „Собирателѣ“ 1829 года говорится: „душа государя есть тоже для нравственной жизни народа, что климатъ для жизни фѣзической человѣка“ (Климатъ фѣзическій и нравственный); „сила нравственная въ *душѣ* государей“ (къ Наслѣднику 1832 г., 5 ноября); лишь Божьей правдой сильны цари, „ею одною человѣкъ приобрѣтаетъ достоинство сына Божія, она есть главное на землѣ, ибо частное на землѣ есть *душа* человѣка. Царство исчезаетъ; все, что человѣкъ создаетъ, или не совершается, или обращается въ прахъ; самый родъ человѣческой есть только измѣняющееся явленіе. Одно существуетъ, одно принадлежитъ Богу на всѣ вѣка — наша душа и все то, что въ ней сохранилось, взятое ею изъ временной жизни“ (ему же 30 авг. 1843 г.). Въ письмахъ къ государынѣ Жуковскій указываетъ на мѣсто, которое Фридрихъ Вильгельмъ III займетъ „въ исторіи *души царской*, ибо на землѣ все для души“; „въ наше время когда все трещитъ и ломается, много спасательной силы заключено, быть можетъ, въ душевномъ союзѣ царей, согласныхъ любовію къ правдѣ, вѣрѣ и истинной свободѣ“ (къ Наслѣднику, Дюссельдорфъ

1) „Самоотверженіе власти“ 1848 г. (сл. письмо къ Наслѣднику 3/15 декабря 1848 г., 19/31 генв. 1849 г.).

2) „Теорія и практика“ 1848; повторено въ письмѣ къ вел. кн. Константину Николаевичу 2/14 марта 1850 г. Сл. въ дневникѣ 4 іюня 1838 г. замѣтку о шведской конституціи.

3) Къ Д. П. Сѣверину 17 ноября 1848 г., Русскій Архивъ 1900 г., № 9, стр. 43; къ Булгакову 7 марта 1848 г. Русскій Архивъ 1868 г., стр. 1470.

4) „О происшествіяхъ 1848 г.“.

12 окт. 1843 г.). Могущество царя опирается на нравственность народа, а для этого надлежитъ, „чтобы душа царева была святилищемъ этой нравственности“ (ему-же 15/27 дек. 1847 г.

Такой идеаль мирной исторической эволюціи, снившійся Жуковскому; возможна она лишь тамъ, гдѣ, какъ у насъ, сохранилось народно-историческое преданіе и еще почитаются устои древней жизни, пережившіе всѣ перевороты, включая петровский. Какъ относился Жуковский къ послѣднему? Въ 1810 году онъ упрекалъ себя, что, не зная азбуки, взялся за авторство: „хвататься за трудное, не приготовивъ себя къ успѣшному его исполненію работою продолжительною, есть свойство русскихъ, за которое они должны благодарить Петра Великаго“¹⁾. „Въ Сардамскомъ домикѣ“ (апрѣля 1839) полно восторженнаго лиризма, какъ и посланіе къ поэту Леннепсу (7/19 апрѣля 1839)²⁾ и письмо къ императрицѣ (изъ Гаги 17 апрѣля): „при взглядѣ на лачугу, гдѣ жилъ Петръ Великій, слезы полились изъ глазъ моихъ и намъ въ эту минуту стало понятно, почему между чувствами, проходящими по душѣ человѣческой, одно изъ самыхъ сладкихъ есть благодарность Государю за отечество; оно именно потому такъ сладко, что оно совершенно безкорыстное. Благодарность не за себя, не за всѣхъ и за одно благотворное дѣло, а за пожертвованіе цѣлой жизни святому дѣлу, и радуешься, что находишь себя способнымъ чувствовать такого рода благодарность³⁾. Петра Великаго давно нѣтъ, и его Сар-

1) Къ Ал. Тургеневу 4 дек. 1810 года.

2) Сл. дневникъ 1839 11/22 апрѣля: „Сочинилъ стихи Леннепсу, которые прочиталъ съ удовольствіемъ Толстому“.

3) Сходныя идеи въ черновомъ письмѣ къ вел. княгинѣ Александрѣ Федоровнѣ (Дрезденъ 4/16 июня), ошибочно напечатанномъ въ Пушкинскомъ Сборникѣ (вып. I, стр. 66 слѣд.), какъ обращенное къ вел. кн. Николаю Павловичу. Жуковский говоритъ о своей прощальной бесѣдѣ съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ, которому всею душою желалъ счастья: „въ желаніи счастья тому, кого судьба помѣстила на такую высокую степень, есть что-то возвышенное и благородное; все личное исчезаетъ, слово счастье получаетъ какой-то величественный смыслъ; думаешь не объ одномъ настоящемъ, не объ однихъ мелкихъ, ежедневныхъ обстоятельствахъ жизни; желаешь добра не одному, а въ одномъ множествѣ, желаешь ему великаго, прекраснаго мѣста въ исторіи: такого рода чувство трогаетъ душу, и я разстался съ нимъ, будучи тронутъ не одною благодарностью за ту, смѣю сказать, дружескую ласку, съ какою онъ со мною простился, но вмѣстѣ и мыслю, что онъ способенъ получить то счастье,

дамскій домикъ чуть держится, но это мѣсто для русскаго имѣеть очарованіе невыразимое. Жуковскій приводитъ здѣсь отрывокъ изъ своего посланія къ Леннепсу:

Работникомъ простымъ

Въ Сардамской хижинѣ великій царь тайлся
И, плотничая тамъ, владыкой быть учился.
Тамъ мыслію его корабль застроенъ тотъ ¹⁾,
На коемъ по волнамъ временъ и поколѣній,
Неизмѣняемый ²⁾ среди бурныхъ измѣненій,
Имъ созданный народъ
Указаннымъ путемъ ³⁾ плыветъ подъ флагомъ славы,
Корабль великія Россійскія державы.

И повѣрьте мнѣ, что эта избушка, гдѣ я провелъ, одинъ, незабвенные полчаса... думалъ о Петрѣ, живо вспоминая государя, о которомъ вообще какъ-то чаще думается здѣсь, гдѣ такъ много слѣдовъ могучаго сардамскаго плотника⁴⁾.

Мѣсяца два спустя Жуковскій любовался въ Петербургѣ Зимнимъ дворцомъ, въ одинъ годъ вновь отстроеннымъ послѣ пожара 1837 года: „совершенный образецъ Россіи: огромно, безъ точности, безъ общей связи, выраженіе одной общей воли, которая, повелѣвая, рабствуетъ. Во всѣхъ мелочахъ отражаетъ тотъ характеръ, который далъ Россіи Петръ Великій: скорѣй во что бы то ни стало. Мы не идемъ впередъ, а скачемъ отъ пункта къ пункту, впередъ-ли, назадъ-ли — все равно“ ⁴⁾.

Еще въ 1841 году въ письмѣ къ вел. князю Константину Николаевичу (5/17 сентября) Жуковскій характеризовалъ Петра какъ представителя, „визидущей силы“, который вспахалъ дикую почву Россіи и засѣялъ ее сѣменами, уже давшими богатую жатву. Подъ впечатлѣніемъ событій 1848 года, которыми полны его тревожныя письма, его взгляды опредѣляются: надо „китайскою стѣною отгородить Россію отъ заразы“, она есть

котораго я искренно пожелалъ ему“. Этого эпизода (стр. 67) нѣтъ въ текстѣ письма, напечатаннаго И. А. Бычковымъ въ Русской Старинѣ 1901 г. октябрь, стр. 225. См. выше стр. 315, прим. 1.

1) Въ печатномъ изданіи: здѣсь былъ его рукой корабль.

2) Въ печатномъ текстѣ: неизмѣняемо.

3) „Указаннымъ путемъ“ нѣтъ въ печатномъ текстѣ.

4) Дневникъ 1839 г. 27 іюня.

отдѣльный, самобытный міръ¹⁾. „А наша святая Россія?... Ходъ Европы не нашъ ходъ; что мы у нея заняли, то наше, но мы должны обрабатывать его у себя, для себя, по своему, не увлекаясь подражаніемъ, не слѣдуя движенію запада, но и не вмѣшиваясь въ его преобразование. Въ этой отдѣльной самобытности вся сила Россіи. Она представитель чистаго патріархальнаго монархизма. Самодержавіе въ его полномъ, благотворномъ развитіи есть ея доля, самодержавіе безъ всякой примѣси произвола“²⁾. „А наша святая Россія? повторяетъ онъ на слѣдующій день. О, она тверда собственной силой... Ея сила стоитъ на святомъ, вѣковомъ фундаментѣ самодержавія, ея эмблема—Александровская колонна?... Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало по малу подъ шумомъ древнихъ междуособій, подъ громомъ половецкихъ набѣговъ, подъ гнетомъ татарскаго ига, въ бояхъ литовскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая воедино и обтесанная рукой Петра... Для меня теперь стало еще яснѣе, что ходъ Россіи не ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія, вопреки тому *насилію*, которое сдѣлала намъ могучая рука Петра, бросившая насъ на дорогу намъ чуждую“³⁾. Дальнѣйшее содержаніе этого письма развито въ письмѣ къ князю Вяземскому по поводу его стихотворенія „Святая Русь“; опущена фраза о „насиліи“ и выяснены природные устои русской жизни.

Таковыми устоями издревле были у насъ церковь и самодержавіе⁴⁾, и „вѣра въ святое“ не исчезла, какъ на западѣ, отъ „ѣдкой дѣятельности ума человѣческаго“, отъ „злоупотребленія ума“. Это онъ исказилъ западную цивилизацію, истощилъ чувство, вѣру, уничтожилъ семью. Чтобы спасти себя, западу надо вернуться къ вѣчнымъ, покинутымъ имъ основамъ, намъ слѣдуетъ только выдти изъ „бездѣйственнаго неупотребленія ума“ и *пересоздать западную цивилизацію въ свою собственную*, на своихъ началахъ. Не даромъ „Святая Русь“—„ровесникъ христіанской Россіи“; Россія — политическій терминъ, Святая Русь — „соб-

1) Къ наслѣднику 17 февраля 1848 г.

2) Къ нему же 1848 г. 5 марта.

3) Ему же 4 іюня 1848 г.

4) См. статью „Самодержавіе“ въ „Политическихъ и философскихъ замѣткахъ и мысляхъ В. А. Жуковскаго“ 1. с. стр. 49 слѣд.

ственность русскаго народа“, упроченная ему Богомъ. Не говорить объ англійскомъ, нѣмецкомъ Богѣ, но *русскій Богъ* отразилъ „какое-то особенное народное преданіе о Богѣ, давнишнемъ сподвижникѣ Руси“; удивительное созданіе нашего ума, „отдѣльно существующее при вѣрѣ въ Бога христіанскаго“, выведенное русскимъ народомъ изъ откровеній его исторіи, соединяющее въ одномъ словѣ „наше бодрое, безпечное авось.... съ крѣпкою надеждою на высшее провидѣніе“¹⁾.

Когда въ 1850 году Жуковскій резюмировалъ свои общественные взгляды въ біографическомъ очеркѣ, посвященномъ Радовицу, далеко было то время, когда князь Вяземскій звалъ Жуковскаго къ подвигу „гражданскаго пѣснопѣвца“, но едва-ли и въ ту пору общественное міросозерцаніе поэта принципиально отличалось отъ воззрѣній его старчества; если кто измѣнился, такъ это князь Вяземскій, авторъ извѣстной записки къ гр. Уварову; теперь онъ „задумчивый философъ, тихій христіанинъ, меланхолическій затворникъ (Плетневъ къ Жуковскому 28 февраля/11 марта 1849 г.), пѣснопѣвецъ „Русскаго Бога“. Источника этихъ воззрѣній надо искать тамъ-же, гдѣ сложилось для Жуковскаго и его пониманіе поэзіи; отъ Карамзина и посланія къ имп. Александру (1814 г.), черезъ „Русскаго Бога“ Кюхельбекера прямой путь къ славянофиламъ; туда же шель послѣдовательно и Гоголь. Достоевскій будетъ говорить о „русскомъ Христѣ“, объ „исключительно-религіозномъ призваніи русскаго народа“, „народа богоносца“, имѣющаго внести „примиреніе въ европейскія противорѣчія“.

Если послѣдніе взгляды Жуковскаго еще при жизни его вызывали цензурныя сомнѣнія, то не по существу, а потому что, отрицая противоположныя, онъ невольно знакомилъ съ ними читателя. Таково было мнѣніе Дубельта²⁾, поданное 23 декабря 1852 г. въ Главное Правленіе цензуры о послѣднихъ сочиненіяхъ Жуковскаго: хотя съ одной стороны одно имя автора ручается за благонамѣренность его сочиненій, съ другой — результатъ всѣхъ его сужденій въ рукописи (за исключеніемъ только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мыслей и выраженій) клонится къ тому, чтобы обличить челоуѣка, удаливша-

1) О стихотвореніи „Святая Русь“ 23 іюля 1848 г.

2) Въ письмѣ 10/22 октября 1848 года Жуковскій писалъ ему какъ къ „любезнѣйшему дядюшкѣ“.

гося отъ религіи и представить „превратность существующаго нынѣ образа дѣлъ и понятій на западѣ, тѣмъ не менѣе, вопросы его сочиненій духовныя слишкомъ жизненны и глубоки, политическіе слишкомъ развернуты, свѣжи, намъ одновременны, чтобы можно было безъ опасенія и вреда представить ихъ чтенію юной публики. Частое повтореніе словъ *свобода, равенство, реформа*, частое возвращеніе къ понятіямъ: *движеніе вѣка впередъ, вѣчныя начала, единство народовъ, собственность есть кража* и тому подобнымъ останавливаютъ на нихъ вниманіе читателя и возбуждаютъ дѣятельность разсудка. Размышленія вызываютъ размышленія, звуки — отголоски, иногда невѣрные. Благоразумнѣе не касаться той струны, которой сотрясеніе произвело столько разрушительныхъ переворотовъ въ западномъ мірѣ и которой вибрація еще колеблетъ воздухъ. Самое вѣрное средство предостеречь отъ зла — удалить самое понятіе о немъ“¹⁾.

Цензура не разрѣшила печатать сборникъ религіозно-нравственныхъ статей Жуковскаго, посланный имъ Плетневу²⁾. Жуковскій недоумѣвалъ: „по моему направленію философическому я строгій христіанинъ; я теперь вполне убѣжденъ, что не можетъ быть другой философіи, кромѣ христіанской, то есть кромѣ основанной на откровеніи. О разныхъ исповѣданіяхъ я не спорю; по моему глубокому убѣжденію я принадлежу православію и наиболѣе утвердился въ немъ въ послѣднее время жизни, но это однако не приводитъ меня къ мнѣнію, что ни католикъ, ни протестантъ не могутъ быть вѣрующими христіанами.... Относительно политики я, по глубокому убѣжденію, а не по страху полиціи, вѣрую въ необходимость самодержавія и болѣе всего желаю сохранить его для нашей Россіи

1) Полное собраніе сочиненій князя Вяземскаго т. IX: Старая записная книжка 1813—52 ч., стр. 48.

2) „Толстый томъ, о которомъ онъ говорилъ въ письмѣ къ Плетневу 20 декабря 1848 года; „у меня есть довольно написано философическихъ отрывковъ, они могутъ составить толстый томъ“ (къ нему-же 29 сентября/11 октября 1849 г.). Переписка по этому дѣлу между Плетневымъ и Жуковскимъ продолжается съ 1849 г. по 1851 г.: послѣднее письмо Жуковскаго 3/15 января, Плетнева 1/13 октября 1851 г. Слѣдующія въ текстѣ выписки сдѣланы изъ писемъ Жуковскаго 19/31 декабря 1850 и 3/15 января 1851 г. См. еще Соч. и переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. III, стр. 519 (Плетневъ Жуковскому 7 августа 1850 г.). Сборникъ „философическихъ отрывковъ“ недавно найденъ К. Я. Гротомъ.

неприкосновеннымъ; мнѣнія, на этой базѣ утвержденныя, не только не могутъ быть у насъ вредны, но они необходимо должны быть пущены въ ходъ, выраженныя не лакейскимъ оффиціальнымъ слогомъ, а словомъ сердца и ума, покореннаго высшей правдѣ“. Самъ онъ могъ бы беспокоиться за статью о Радовицѣ, которая, по содержанію, была его письмомъ къ наслѣднику: заступаясь за Радовица, онъ говорилъ о его политикѣ „не въ томъ смыслѣ, какой находитъ въ ней наше правительство. Это письмо, вѣроятно, одобрено не будетъ, и его слѣдовало бы вовсе исключить изъ манускрипта. Но это теперь уже не нужно“. Онъ просилъ Плетнева взять рукопись изъ цензуры.

Запрещена была и статья Жуковского: „Англійская и русская политика“, напечатанная имъ въ Allgemeine Zeitung и, по его желанію, переведенная для Москвитянина Шевыревымъ ¹⁾. Статьей по поводу стихотворенія князя Вяземскаго „Святая Русь“ Государь остался очень доволенъ и приказалъ напечатать ее, исключивъ все, касавшееся Реформаціи, „изъ чувства деликатности передъ тѣми, которые въ Россіи реформатскаго исповѣданія“ ²⁾.

Сенковскій слышалъ о какомъ то запретѣ, достигшемъ Жуковского, но говорилъ о сорока (?) не разрѣшенныхъ къ печати стихотвореніяхъ. „Вы знаете, писалъ онъ Загоскину, что Василій Андреевичъ неспособенъ, такъ же, какъ и мы съ вами, написать что-нибудь неприличное или вредное.... Что же?.... Жуковский уже не можетъ ничего написать“ ³⁾.

1) Барсуковъ I. с. X, стр. 192—3.

2) Плетневъ Жуковскому 29 октября / 10 ноября 1848 г.

3) Русская Старина 1902 г., июль, стр. 94.